Как работает человеческое сознание. Визуальные технологии сегодня и завтра

ИНСТИТУТ ВЦИОМ. СУББОТНИЙ ЛЕКТОРИЙ

ЛЕКЦИЯ 1.

Как работает человеческое сознание: визуальные технологии сегодня и завтра

Модератор: Первый докладчик на первом семинаре – Дмитрий Серегин. Тема сейчас будет объявлена, а регламент следующий. Дмитрий выступает с сообщением – ну там, может быть, минут 30 оно займет, а дальше дискуссия.

Д.Серегин: Ну, у нас сегодня больше учредительное собрание, поэтому тема будет скорее развлекательная, чем научная, чтобы никого не грузить, к тому же с утра. И тема эта продолжает тот круглый стол, который здесь состоялся позавчера и был посвящен визуальным технологиям. Поэтому сначала речь пойдет о том, что же это все-таки такое – визуальные технологии и как они работают, а на этом примере – о том, как работает сознание, и как оно не работает. И во второй части, уж совсем развлекательной, речь пойдет о будущих визуальных технологиях, к которым, как мне кажется, рано или поздно, мы или люди, следующие за нами, придут.

Хотя речь пойдет о визуальных технологиях, презентацию я не приготовил. Даже не потому, что лень, хотя, конечно, этот фактор тоже не стоит сбрасывать. А исходя из того, что, если мы умеем ходить без костылей, то и незачем их таскать с собой. Или так: если человеку предъявляют синтаксически связную, семантически прозрачную и прагматически ясно нацеленную речь,

а он ее не понимает, то его надо лечить, а не показывать ему презентацию. Ну и, соответственно, если лектор не может такую речь построить, то лечить надо его, независимо от наличия презентации. Поэтому я постараюсь просто более-менее связно изложить то, что думаю, и надеюсь, что этого будет достаточно.

Еще несколько слов о том, что же здесь произошло в четверг. Были несколько докладов, которые ставили вопрос о том, в каком отношении находятся образ и словесный текст. И что мне показалось характерным – так это сам стиль мысли. Среди прочего там обсуждалось клиповое сознание, и это был как раз его яркий образец. Но вместо пышного термина «клиповое сознание», может быть, проще сказать, что это «импрессионистический» стиль мышления. То есть когда человека спрашивают: «Что вы об этом думаете?», он отвечает: «Я думаю, что…», но излагает какие-то свои впечатления. Так что лучше было бы заменить вводный оборот «Я думаю, что» на другой: «У меня такое впечатление, что…» И вот впечатление излагается. На самом деле, анализа нет. Это характерно, по-моему, для того, как мы думаем сегодня. Исчезновение последовательной, логически разворачивающейся мысли. И все наши сильные и слабые стороны как раз с этим связаны. Сильные – это когда впечатление действительно яркое, поражающее и нестандартное. Оно доходит и оставляет яркое пятно. А слабость в том, что всякое впечатление все-таки случайно и не так уж часто оно бывает действительно оригинальным.

В попытке вернуть аналитическому мышлению минимальное признание, я бы предложил, говоря о визуальных технологиях, начать с самого начала, то есть с самых простых вещей. И первый тезис такой: никаких собственно «визуальных» технологий, которые были бы оторваны от мысли и речи, просто не существует. Визуальные технологии – это говорящие сигналы.

Возьмем совсем уже понятный пример – сигнальщик на корабле, который махает флажками. Очевидно, что каждый взмах и цвет флажка, за ними стоит слово, конкретная установка, которая должна быть передана. Или менее очевидный пример – светофор.

Красный свет, зеленый свет. Мы видим красный свет, мы стоим. Видим зеленый свет и идем. Я еще помню светофоры прежние, на которых было написано, на красном поле: «Стой», на зеленом поле: «Иди». Вот это как раз очень хорошо показывает, что на самом деле стоит за любым визуальным сигналом. За любым визуальным сигналом стоит слово.

И не только «слово». Когда мы видим зеленый сигнал, что на самом деле происходит? На самом деле, во-первых, начинает работать логический аппарат. То есть в свернутом виде у нас присутствует следующее умозаключение: всякий раз, когда загорается зеленый свет, можно идти. Загорелся зеленый свет – иди. И это еще не все, впрочем. Все люди стоят на красный свет, я человек, следовательно, я стою на красный свет. Все люди идут на зеленый свет, я человек, следвательно, и я иду. Все эти силлогизмы мы не замечаем и не проговариваем, естественно, потому что они давно отрепетированы, но весь этот логический аппарат, тем не менее, работает. Работает он в интуитивном порядке, поскольку логика – это вообще вещь совершенно интуитивная. Аристотель же логику не придумал, он только описал, что в нас происходит, какой мыслительный аппарат задействуется, когда мы думаем: во всех случаях вообще, решительно во всех случаях.

Как логический аппартат интуитивно работает, это можно на таком примере показать. Если у нас есть большой круг, и в него вписан маленький круг, то для того, чтобы понять, что все точки внутри маленького круга одновременно находятся внутри большого круга, нам не нужно осуществлять каких-то сложных выкладок или доказывать геометрические теоремы. Все и так понятно. Совершенно точно так же так понятно, что, если все люди смертны, а я человек, то я смертен. Не нужно разворачивать силлогизм. Аристотель просто показал, что на самом деле это все работает. Даже если мы молчим и ничего такого не замечаем.

Таким образом, за любым визуальным сигналом стоит не просто «слово», а работоспособный логический аппарат. И не только

логический, опять же. Вот, допустим, мы видим перед собой табличку, на которой нарисован бегущий человечек и красный крестик перед ним. Как мы его понимаем, это визуальное сообщение? Во-первых, мы видим красный крест, и если у нас нет основания думать, что речь идет об ордене меченосцев или там о швейцарском флаге, то скорее всего, это больница. То есть умозаключение состоит в том, что, всякий раз, когда мы видим красный крест, и нет оснований полагать то-то и то-то, скорее всего, речь идет о больнице, поликлинике, и вообще о медицинской помощи. Точно так же про бегущего человека. Каждый раз, как кто-то бежит, протягивая руки, вероятно, он просит помощи. Вот и сейчас он бежит, протягивая руки. Значит, он просит помощи. Кстати говоря, легко заметить, что в этом силлогизме спрессован накопленный нами социальный опыт. Уже здесь дело не сводится к логике. Тем более на следующих уровнях.

Помимо аппарата силлогистики, здесь задействованы другие логические механизмы. Вот, человек – это некий субъект. Он бежит – это его предикат. Крест – это фигура, но она красная. Выделяется субъект, ему опять приписывается предикат. Кроме того, мы видим, что человек бегущий и крест красный находятся в некотором отношении. Если логически это выражать, то человек «икс» находится к кресту «игреку» в некотором отношении «R» [xRy]. Это такой логический каркас. Затем на него навешивается каркас языковой. Когда человек оказывается подлежащим, крест, то есть медицинское учреждение, – дополнением, и между ними глагол «бежит». Затем на этот глубинный синтаксический каркас, в свою очередь, навешивается каркас родного, естественного языка. То есть мы расставляем все три слова по позициям в соответствии с тем, как это принято в нашем языке. Ну и так далее.

Так что, если мы внимательно посмотрим на то, что происходит, когда мы получаем визуальный сигнал, то оказывается, что проделывается довольно большая работа. Она проделывается на разных планах логики, синтаксиса, грамматики, семантики. Но

она проводится незаметно и очень быстро. Как правило, мы на нее вообще внимания никакого не обращаем. И вот визуальные технологии… на этом примере видно, где и когда они эффективны. Они эффективны тогда, когда нужно действовать очень быстро, не особенно рассуждая, без лишних фантазий. Скажем, судья на футбольном поле, когда он поднимает флажок, все останавливаются, этого достаточно. Он не разворачивает сложную систему аргументации, чтобы доказать там что-то про офсайт.

Вот две особенности эффективных визуальных технологий. Во-первых, побудить действовать быстро: мгновенно сориентироваться и перейти к реакции. Во-вторых, вот именно что реагировать не рассуждая и не фантазируя там себе всякого разного. И вот это во-вторых, оно может быть использовано уже как раз против человека. То есть как это происходит в рекламе или пропаганде. Все ясно, все понятно, все доступно, тезис простой, как гвоздь, и, как молотком, его раз за разом просто забивают человеку в голову, и этого оказывается достаточно. Это обратная сторона.

В общем, первое, что уже понятно – то, что визуальные технологии в свернутом виде содержат в себе сообщение, иногда сообщение довольно сложное, всегда логически оформленное, синтаксически связное и так далее. И второе. У любого визуального сигнала, визуального ряда всегда есть цель, то есть за ним стоит какая-то прагматика. Он нужен для того, чтобы поставить человека в известность о чем-то. Я хочу поставить человека о чем-то в известность и нечто ему показываю. Но я-то хочу его поставить в известность, а получатель, адресат потенциальный этого сообщения, может этого совершенно не хотеть, или просто не заметить.

Значит, на отправителя ложится тройная задача. Во-первых, донести свое сообщение, то есть сделать его достаточно заметным. Во-вторых, сформулировать его на том языке – визуальном, допустим – который получателю понятен. То есть перевести его в понятный код. И в-третьих, добиться того, чтобы это заметное и понятно кодированное сообщение было им

еще и усвоено, то есть принято в полном смысле слова. Иначе говоря, вызвало именно ту реакцию, эмоциональную или деятельностную, на которую отправитель визуальной информации рассчитывает.

Значит, первая задача – маркировать сообщение так, чтобы его заметили. Понятно, это все несложно и решается так или иначе. Или путем яркости, или наоборот, кстати говоря, путем обесцвечивания. Как, например, работает монохромная живопись. Или черно-белое кино. Ясно, что черно-белое кино в этом смысле, как сообщение, как киносообщение, маркировано лучше, чем цветное кино, потому что оно выделяется как раз из нашего разноцветного мира, и мы понимаем, что это вот произведение искусства, а не кусочек мира. Поэтому любители черно-белого кино никогда не переведутся. Это как бы в большей степени кино. В общем-то, это задача простая, и с ней все всегда справляются, так или иначе.

Вторая задача – послать сообщение в понятном коде. А тут, кстати, может быть хорошим примером как раз немое кино, не черно-белое, а немое, которое вообще обходится без языка, иногда даже и без титров. Тоже никогда не переведутся любители немого кино, потому что это люди, которым язык позы, жеста, выражения лица и глаз понятнее или приятнее, скорее даже приятнее, конечно, чем язык речи. Это, например, люди, которые в толпе вглядываются в лица, по глазам пытаются прочесть, не пытаются то есть, а просто читают, умный человек или глупый, чего он хочет, и так далее. В общем, это я к тому, что так или иначе закодировать более или менее понятно сообщение, даже если оно обходится без слов – это тоже задача совершенно решаемая.

Гораздо сложнее третья задача – то есть сделать так, чтобы сообщение было усвоено. Вызвать у получателя сообщения доверие. Вот это вот настоящая проблема. О том, что сообщение может оказаться недостаточно убедительным, свидетельствует, например, статистика гибели людей на переходах. Все знают, как работает светофор, то есть сигнал донесен, сигнал правильно

считан и понят, но, судя по тому, что водитель поехал на красный для него свет, или пешеход пошел на красный для него свет, простая мысль о том, что на красный свет ехать или идти не нужно, не была воспринята, не оказалась убедительной.

Обратим внимание на еще один слой проблемы. Это все несмотря на то, что красный свет, он же выбран не случайно. Красный свет, цвет, он лежит в тех слоях нервной системы, которые на самом деле предшествуют человеческому. Вот как раз здесь мы сталкиваемся с тем, что визуальные технологии работают не только со словом, и не только с логикой, а есть кое-что поглубже. И с этим связана их сила и эффективность. А также отказ им в эффективнности и силе – он тоже с этим связан. То есть когда, например, насекомые, окрашенные в красный цвет, ядовитые насекомые, ползут, а птицы их не клюют, несмотря на то, что видят, здесь задействованы природные связи, механизмы, которые родились задолго до человека. Они их не едят, потому что воспринимают предупредительный сигнал: яд! Но именно с этим связана также возможность фальсификации и обмана. То есть если насекомое не ядовито, но окрашено в красный цвет, и птицы его не клюют, то, естественно, оно выживает, размножается и так далее. Некоторые птицы знают, что их обманывают, а некоторые птицы не знают. В общем, сама проблема доверия к визуальному сигналу, как и возможность обманывать с помощью визуального сигнала, она, на самом деле, лежит даже глубже человеческих сознательных реакций. Гораздо глубже. То есть сам инстинкт недоверия, и, наоборот, доверия, он дочеловеческий. И если мы говорим об этой проблеме, с которой сегодня визуальные технологии сталкиваются, то есть с проблемой недоверия к ним, то тут решение должно быть самым радикальным – или они не решаемы.

Есть инстанции, для которых проблема недоверия к их сообщениям, в том числе визуальным, принципиальна. Прежде всего, это реклама, которая призвана заставить человека отдать деньги и тем самым обогатить исходного отправителя этой рекламы. И, во-вторых, это, конечно, власть, которая

заинтересована в том, чтобы ее позиция, в том числе методами визуальной пропаганды, агитации, была усвоена населением. А доверие и к рекламе, и к телевизионной пропаганде постоянно падает. Когда это не критично – ну, в общем, и ладно. Но когда это критично, этой проблемой, так ли иначе, заниматься вынуждены, и заниматься, конечно, будут. Какие-то решения есть и сейчас, но они сомнительны.

Как вызвать у человека доверие или заглушить недоверие? Есть четыре простых способа. Один – это шокировать, тем самым на время приглушив любой критический аппарат, который в человеке хоть в минимальной степени, да есть. И заставить его, пока он оглушен и парализован, сигнал все-таки принять и хоть сколько-нибудь усвоить его. Второй прием – заворожить. Если, например, нам в рекламе показывают какое-нибудь красивое струение ткани, которое непосредственно не относится к тому товару, который пытаются рекламировать, и мы, допустим, завороженные, следим за этой красивой картинкой, то попутно мы усваиваем и всю информацию, которая идет параллельно. Еще один прием – заинтриговать, естественно. Что происходит и что будет дальше? В общем, можно это -долго описывать, но и так все понятно. И, наконец – позабавить, развеселить человека, например, внушить ему какой-то смешной мем, который он будет передавать другим «по приколу», что называется. И заодно вирусно распространять рекламное сообщение. Это все приемы, они очевидные, примитивные и малоинтересные. О них стоило упомянуть просто потому, что… ну так, для полноты.

Более тонкие технологии связаны с тем, чтобы человека вовлечь. Это кино, допустим, и все такое. И по этому пути идут компьютерные игры нынешние, которые в том числе делают человека участником действия. То есть ему не просто что-то показывают, он еще и сам участвует во всем этом, играет какую-то активную роль, живет в этом мире. Я сам не пробовал, но говорят… не знаю, может, и нет, но по-моему, есть уже такие игрушки, где не только зрение, но и вообще вся сенсорика задействуется, тактильные там какие-то, обонятельные

рецепторы. То есть полное вовлечение, максимально полное, в тот мир, который тебе показывают. Эта технология тоньше, но у нее тоже есть свои проблемы. В принципе, она ведь как работает? Ну «совсем как настоящее». То есть получается, чем лучше имитация, тем глубже чувство сфабрикованности. «Совсем как» из этой игры не выкинешь. А если для меня что-то сфабриковали, я на самом деле никогда не буду считать это своим миром. Ну, я в нем поживу, как-то поиграю, или, если это кино, допустим, будет такое кино, синестетическое, то есть задействующее все органы чувств, и даже интерактивное, все равно я прекрасно буду понимать, что это, мир, который мне предложен, предложен мне с какой-то целью, скорее всего, с корыстной. Да, для моего же удовольствия, но мне в качестве скрытого послания предлагается за это удовольствие так или иначе заплатить. То есть это не мой мир. Рано или поздно я из него выйду и, скорее всего, про него забуду.

Вот здесь вот настоящая граница действенности современных визуальных технологий. Она связана с тем, что, на самом деле, человека вовлечь настолько, чтобы он оказался в этом мире, который ему показывают, не удается, а следовательно, полного доверия к визуальным технологиям, какими бы совершенными они на этих путях ни становились, добиться тоже не получается, и не получится – на этих путях. В этом смысле самой, может быть, тонкой и вкрадчивой, и в этом смысле действенной визуальной технологией является не кино, не реклама, не живопись, допустим, а архитектура. Особенно не какая-то пафосная идеологическая архитектура, а просто бытовая, какие-то там пятиэтажки, которые нас окружают. Это визуальный ряд, конечно. Он, конечно, как-то воздействует. Но мы идем, и, в общем, меньше всего думаем о том, что это нечто сфабрикованное специально, на что-то рассчитанное, ничего подобного. Мы просто идем среди этих зданий… Во-первых, это происходит потому, что дом построен не для того вообще, чтобы нам его показать, хотя такая цель тоже есть, а для того, чтобы внутри этого дома жить или чем-то заниматься. То есть у него вообще-то цель совершенно другая. А вот у тех визуальных технологий,

которые мы обычно так называем, вся цель именно в том, чтобы показать нам что-то, и мы об этом прекрасно знаем, и именно поэтому мы не доверяем им полностью. Ну, как доверяем окружающему городскому ландшафту… В нем сам формат подачи таков, что сомнения, недоверия не возникает. К чему оно? Мы тут не воспринимаем чьи-то внушения, мы тут просто проходим.

Еще более убедительна в этом смысле, естественно, природа. Это же тоже визуальный ряд, в конечном счете. Вот мы оказываемся в каком-то ландшафте – ну уж тут просто глупо сомневаться в чем-то. В чем тут вообще сомневаться? Это просто мир. Он нас окружает. Мы, конечно, можем подумать, что у этого мира есть Творец, что мир был создан именно таким для для того, чтобы я стал именно таким. Но это слишком философские, теологические размышления, которые, на самом деле, на практическую жизнь мало влияют. Вот это – природный ландшафт – очень убедительный пример такого визуального ряда, где даже тень сомнения и недоверия, как правило, не возникает, если вы не Декарт и Дхармапада. И я думаю, что если говорить о технологиях визуальных будущего, то они будут располагаться и строиться как раз вот в этом порядке. В порядке не имитации естественного мира, а они просто должны быть самим этим естественным миром. Тогда сомнений никаких не будет. Поданное таким образом будет восприниматься не как подсунутое извне с целью в чем-то там убедить, а как естественным образом присутствующее, не имеющее никакой цели, где я уж просто существую, и ничего больше.

А что для этого нужно? Нужно для этого, чтобы центр, из которого проецируется изображение, то есть условный проектор, полностью совпадал с моим сознанием. Вот почему для меня реален мой сон? Мой сон для меня реален не потому, что он существует как некая объективная реальность, а потому, что он мой, потому что он находится в моем сознании. Вот это пример того, как новые визуальные технологии могут действовать. Просто по модели сновидения. У меня не то, что нет повода сомневаться в своем сне. Я даже не понимаю, а как это можно

сделать? То есть что именно здесь можно поставить под сомнение? Я видел этот сон, безусловно, я прожил этот сон. Мое сознание просто полностью с ним совпадает. Тут не в чем сомневаться. Это было, и это было со мной. Точка. То есть, вот если бы удалось изобрести и построить визуальные технологии, которые действовали бы по этой модели, вот тогда проблема недоверия была бы снята принципиальным образом.

Есть ли вообще такие возможности? Сейчас, прямо сейчас, понятно, что нет. Но есть заинтересованность в повышении доверия к сообщению. Причем желательно беспредельного повышения. Есть заинтересованность – в силу того, что в мире происходит. Мир глобален, но в мире есть центры влияния. Центры влияния эти понятны, и они будут бороться не на жизнь, а на смерть, будут бороться всеми технологиями, которые будут доступны, в том числе, информационными, а среди информационных – в первую очередь визуальными. У борющихся сторон есть капитал, у них есть власть, и эти ресурсы будут использованы для развития нужных технологий воздействия. Технологии будут развиваться.

Какие? Тут стоит обратить внимание вот на что. Попытки вообще-то такие уже предпринимались. То есть когда Центральное разведывательное управление экспериментировало с ЛСД, в 60-е, 70-е годы, они размышляли именно в этом направлении. То есть ввести в спинной мозг какую-то химическую субстанцию и заставить человека увидеть то, воспринять то, что им хотелось бы. Увидеть это как свой собственный мир, а не как что-то, что нам показывают извне. Не получилось тогда. Не получилось, потому что невозможно было рассчитать действие триггера. То есть ввести-то ЛСД можно, конечно, не проблема, в любой дозировке. Но как именно он подействует, этот галлюциноген? Какие именно видения он вызовет, какие состояния? Просчитать это совершенно не удалось. Поэтому опыты с ЛСД были свернуты. У нас, кстати, велись тоже такие же опыты, только с другим веществом, с кетамином, который, наверное, многим известен, а может, не многим. Может быть, не спецслужбами, но военврачами.

Я вот лично общался с врачом, который этим занимался. Они с помощью кетамина, это мощный галлюциноген, реабилитировали солдат после афганской войны. Они тоже пытались им там что-то показать успокаивающее, ввести их в соответствующее состояние. Какие-то результаты были, но не прорывные. Что-то получилось, но на самом деле не совсем то, чего ждали. Как человек, тоже ставивший такого рода эксперименты, могу свидетельствовать, что направленные галлюцинации создать не получится. То есть этот путь, хотя с ним работали, он никуда не привел. И не привел он потому, что нельзя рассчитать, как именно измененное сознание отреагирует на эти изменения, что оно человеку покажет.

То есть чего тут не хватало? Не хватало двух вещей — во-первых, того, что сейчас у нас называется нейроинжинирингом, то есть сознательного моделирования работы нейронных цепочек. В принципе, эта технология, естественно, будет развиваться, так что моделировать на примере искусственной нейронной сети работу человеческого мозга, а тем самым и сознания, будет все более удобно. Это одно из условий решения задачи.

Но этого мало, потому что дело не только в нейронах, в конце концов, дело еще и в самом сознании. Да, между сознанием и мозгом существует соответствие. И если в нашем сознании что-то происходит, например, если мы что-то видим, или, наоборот, чего-то не замечаем, то обязательно этому явлению, этому феномену сознания есть нейрологический коррелят, то есть одновременно что-то происходит в наших нейронных цепях. Если какие-то феномены сознания нам нужно искусственно вызвать, необходимо посмотреть, какие нейронные структуры за это отвечают и что именно в них при этом происходит. Однако какие же феномены сознания мы сможем использовать в своих интересах? И как происходят в сознании, в частности — в визуальном сознании, нужные нам изменения? Здесь нам не обойтись без наблюдения за вторым членом нашей корреляции — повседневным сознанием человека. Как мы смотрим, что мы видим и чего не видим, что за причудливые превращения происходят в нашем поле

зрения. То есть, с одной стороны, нейроинжиниринг, но, с другой стороны, наблюдение сознания, назовем его условно «феноменологией», необязательно имея ввиду традицию, идущую от Гуссерля.

Вот если соединить нейроинжиниринг, то есть моделирование нейронных сетей, и феноменологию сознания, если привести их в соответствие, если построить такую дисциплину, где нужным феноменам сознания отвечала бы возбуждающая их нейрологическая цепочка, то задача, которая выше была сформулирована, то есть задача визуальных технологий по снятию недоверия к ним, она будет решена. Так что не хватает для решения этой задачи дисциплины, которую мы условно можем назвать «нейрофеноменологией».

Поскольку я ни клинической нейрологией, ни построением нейронных сетей не занимаюсь, об этой стороне дела нам когда-нибудь, наверное, расскажет специалист. Но о тех феноменах сознания, которые можно использовать для преобразования визуального поля, моделируя уже эти преобразования на искусственных нейронных сетях, вот об этих феноменах рассказать можно, и рассказать в совершенно простых словах.

Во-первых, что такое визуальное поле нашего сознания? Это, вообще говоря, просто большая переменная, в которой в принципе можно заменить, или отменить, или изменить, аннулировать вообще, любую составляющую. Мы рассмотрим самое обычное, повседневное сознание, те небольшие «расстройства», которые происходят буквально с каждым, может быть, по много раз в день, которые мы обычно не замечаем, но которые могут быть использованы для направленной перестройки визуального поля. Потому что они его действительно перестраивают.

В ряду этих феноменов самый простой и всем знакомый – это исчезновение предмета из поля зрения. Не потому, что он попадает в слепое пятно. А потому, что это самый обычный, самый привычный, всегда одинаковый предмет, который мы поэтому просто перестаем замечать. Вот, например, когда мы в

миллионный раз закрываем собственную дверь, руки, ключ, замок, дверь — все находится перед нашими глазами. Но, тем не менее, мы можем выйти на улицу и думать — а закрыл ли я дверь вообще, или не закрыл ее? То есть все было перед нашими глазами, мы смотрели именно туда, но мы ничего не увидели. А если увидели, то не запомнили. И я вот так, например, много раз возвращался. Точно так же мы не замечаем множество предметов, которые в поле зрения на самом деле находятся, но они настолько привычны, что на них просто нет смысла обращать внимание. Лежащие на столе уже не первый год книги какие-то, стоящий в углу табурет, не знаю что. Мы знаем об их существовании, учитываем это существование, потому что не натыкаемся на этот табурет. Но практически мы его не видим. То есть, вещь, совершенно ставшая привычной, обыденной, и так далее, она как будто бы исчезает из поля зрения. Даже не из поля зрения, а из поля сознания. Для сознания она как будто невидима. Ну, это вот самый простой пример того, как вещь присутствующая может быть невидимой, несмотря на то, что формально она остается в поле зрения. Если предмет маркировать, как совершенно привычный, всегда находящийся здесь, и так далее, и тому подобное, то можно добиться того, что он станет невидимым для конкретного сознания. Как навесить такой маркер — вопрос к нейрологу. Я думаю, это когда-нибудь будет понятно. Ведь у этого феномена сознания необходимо имеется соответствующий ему нейрологический механизм.

Ну, еще один феномен из той же серии. Допустим, что мы идем по улице, а там, на улице полуоткрыта дверь, в которую вделано зеркало. Мы этого зеркала совершенно не ожидали. И под каким-то неожиданным углом оно показывает нам то, что показывает. И мы вот идем и видим, как нам навстречу приближается какой-то прохожий, какого-то странного, может быть, даже несколько неприятного вида, с каким-то чужим выражением лица. Кто это такой вообще? Вдруг мы замечаем, что это мы. Что это же я в этом зеркале отражаюсь. Но что получается? Что если предмет показан таким образом, что мы не ожидаем его увидеть именно здесь и сейчас, то механизм опознания, узнавания этого

предмета, даже если это я сам – я, который тысячу раз себя в зеркале видел, разглядывал, заинтересованно причем – то человек может этот предмет не узнать. А что значит «не узнать»? Обычно он видит в нем признаки A, B, C. Сейчас он их не видит. Он видит какие-то другие признаки, из ряда D, F, E, и так далее. То есть, происходит перенастройка зрительного восприятия. Отменяются, не замечаются, отсутствуют в сознании одни признаки, зато присутствуют другие, которые до этого мы не отмечали. То есть, если для сознания отменяется сама идентичность некоторого предмета, то оно видит его уже другим, а не видит его таким, каким видело раньше. Вот отсюда вообще принципиальная возможность через отмену идентичности перестроить восприятие предмета, в том числе, в нужном направлении, то есть от признаков A, B, C, которые человек видеть не должен, к признакам D, F, E, которые он видеть, с точки зрения манипулятора, обязан. Мы еще раз замечаем, что в принципе рычаги для трансформации видимой реальности существуют.

Еще один феномен, который может быть использован. Его можно назвать «отменой существования предмета». Ряд теологов считает, что сделать бывшее не бывшим не может даже Бог. А мы, совершенно не смущаясь, делаем бывшее не бывшим буквально каждый день. Наше сознание на эту операцию способно, и постоянно ее применяет. Например, мы идем по какой-то дорожке, сбоку забор, и мы видим, что у этого забора сидит на корточках человек. Вот сейчас мы живем в мире, в котором у забора слева от нас сидит человек. Потом мы, может, лучше приглядевшись, может, немного пройдясь, всматриваясь под другим углом, понимаем, что это никакой не человек, а куст. Теперь мы живем в мире, где слева у забора растет куст, а никакого человека на корточках не существует, и более того, не существовало никогда. Только что бывшее стало небывшим, и ничего, продолжаем как ни в чем не бывало. Что нужно сделать для того, чтобы сознание отменило для себя существование предмета? Все, не было его никогда. Для этого нужно убедить его в том, что теперь оно видит этот предмет в более выгодных для

рассмотрения условиях, чем оно видело его до того. Тогда оно скажет: «да, вот сейчас я вижу его правильно, а тогда я видело неправильно». Сейчас непререкаемо существует предмет B, а предмета A никогда не было, несмотря на то, что оно его видело, и он для него существовал пару секунд назад. Таким образом, имеется принципиальная возможность отменить существование любого предмета, который вроде бы только что для сознания существовал. А если такая возможность существует, значит, отвечающий за подобные операции нейрологический механизм быть и задействован. То есть, то, что существовало для человека недавно, или только что, это может больше не существовать. А на его месте появится что-то другое.

Тут важно еще что – для понимания, как это все работает? Если только что мы видели человека на месте забора, значит, в поле нашего зрения находились такие аспекты предмета (цветовые, фигуративные, объемные и так далее), что по ним можно было опознать человека. Поэтому мы приняли то, что мы видим, за человека. Но были там и другие аспекты. Тоже цветовые, фигуративные, и так далее, но по которым можно опознать куст. Только сначала мы были сосредоточены на первых, а потом на вторых. Но из этого вытекает простая вещь, о которой мы уже упоминали по другому поводу: если мы заставим человека в его визуальном поле выделить не аспекты A, B, C, а аспекты D, E, F, то он, соответственно, в том же самом визуальном поле, где ровным счетом ничего не изменилось, увидит нечто совершенно другое. Не человека на корточках, а невысокий куст. Снова вопрос для нейроинженера состоит в том, какие именно механизмы за это отвечают и как их задействовать, чтобы было увидено одно, а не другое: куст, а не человек, или наоборот, не куст, а человек. Как поиграться этим переключателем. А то и выделить в том же самом зрительном поле аспекты M, N, L, заставив человека увидеть под забором большую собаку.

Сейчас мы говорили про отдельные фрагменты поля зрения, которые так или иначе трансформируются. Но в принципе, так

может меняться не только какой-то конкретный предмет в поле зрения, но и вообще все поле зрения. Пример из жизни. Утром просыпаешься, еще не совсем проснулся, смотришь спросонок на потолок. И вот в этих вот тенях, разных оттенках, распределенных по плоскости, видишь не плоские фигуры, а объемы. И эти объемы воспринимаются как отдаленный город. Я вот так лежал, смотрел на город, который у меня перед глазами, еще не задаваясь вопросами о том, что за город, почему я вижу именно город и почему он где-то надо мной? Всякое критическое побуждение было еще выключено. Я просто лежал и рассматривал. То есть, получается, когда бы я увидел комнату? Когда бы я знал, что я нахожусь в комнате. В своей комнате, лежу на диване, только что проснулся. Но если этого знания в какой-то момент нет, ты проснулся, а этой диспозиции видеть комнату в сознании нет, то эта исчезнувшая диспозиция, куда-то провалившаяся вдруг, заменяется совсем другой установкой. И я, вместо того, чтобы увидеть тени на потолке, вижу город. То есть, нахожусь как будто вообще в другом мире. Пусть это кратковременно, пусть это будет скорректировано в обычном состоянии. Но принципиальная возможность сменить расположенность видеть что-то, в данном случае комнату, на расположенность в тех же самых данных видеть что-то другое, в нашем примере город, принципиальная возможность такая есть. А это ведь возможность полной перестройки визуального восприятия без изменения данных, находящихся в поле зрения.

Чего нам теперь не хватает, так это фиксации появившейся картины. Почему я перестал видеть город, а стряхнул видение, настроив свое зрение на то, чтобы видеть просто потолок и на нем тени? Потому что я вспомнил, в каком мире я живу. И перестал доверять картине далекого города. Всплывает наш главный вопрос — доверия и недоверия. Мало перестроить поле зрения так, чтобы человек видел в нем то, что нужно оператору. Нужно, чтобы он не очнулся. Итак. Если нам нужно добиться, чтобы там диспозиция 1, то есть установка на видение города, закрепилась, нам нужно сделать так, чтобы диспозиция 2, то есть моя расположенность видеть никакой не город, а обычный

потолок, не вмешивалась. Чтобы она как ушла, так и не вернулась.

Случаи перехода из одного мира в другой с полным доверием к случившемуся всем известны. Это случается, когда мы засыпаем и видим сон. Когда я наблюдаю собственное сновидение, я перемещаюсь из одного мира, где я существовал, пока не спал, в совершенно другой мир. Но никаких вопросов, почему передо мной сейчас другой ландшафт, кто вообще эти люди вокруг, как я сюда попал в конце концов, да и что было до этого, какова же моя судьба была в этом мире – вообще никаких таких вопросов как правило не возникает. Я просто естественно в этом мире живу. И если для сознания возможно как ни в чем не бывало жить не только в том мире, в котором я бодрствую, а и в каком-то другом мире, в котором я оказался во сне, то эта возможность может быть использована. При условии, что будут найдены нейрологические корреляты, отвечающие за принятие окружающего мира и себя в нем без всяких лишних вопросов, то, естественно, этот тумблер можно будет использовать.

Вывод в чем? В том, что в принципе можно добиться того, что предмет исчезнет из поля зрения, предмет изменится на какой-нибудь другой. А если так, то и не один, а согласованно многие предметы. Вся установка на мир тоже может смениться так, что будет виден совсем другой мир. И видеться он будет точно так же, как в глубоком сновидении, с полным доверием. Ну, вот если на стыке феноменологии и нейроинжениринга возникнут такие технологии визуального преобразования, то человек в домике своего сознания будет видеть то, что угодно оператору. Я думаю, что не обязательно тут ограничиваться пределами зрительного мира, то же самое может происходить и в других чувствах. А в случае их синестетической согласованности, этот человек уже никогда не вырвется из навязанной ему иллюзии. Точнее, должны быть совершенно особенные условия для того, чтобы у него хотя бы подозрение возникло. Например, сбой. Когда разные синтаксисы окружающего мира окажутся нарушены и между ними возникнет противоречие, которое станет для

внутреннего наблюдателя такого противоречивого мира своего рода коаном. Возможно, ведущим к освобождению. В буддийском смысле, конечно, не в смысле «Матрицы». Ну, чтобы закруглиться. Хотя сегодня таких технологий, конечно, нет, но поскольку есть востребованность, заинтересованность в том, чтобы снять недоверие к рекламе, пропаганде, и так далее, поскольку, далее, уже есть определенные научные достижения на этом направлении, и поскольку, наконец, с точки зрения работы сознания, его естественных феноменов, это тоже возможно — постольку, я думаю, эти технологии будут созданы. Таково наше будущее, вероятно.